

«Солженицына я не читал»

ИЗВЕСТИЯ: Ваш рассказ «Погребение ангела» производит такое же тяжкое впечатление, как, например, фильмы Ларса фон Триера.

ГРИШКОВЕЦ: Я писал этот рассказ, когда у наших близких друзей — сначала у одного, потом у другого — умерли собаки. Писал с целью успокоить. Потому что тот, кто хоронит собаку, гораздо более одинок, чем тот, кто хоронит близкого человека. Тому, кто хоронит близкого человека, хотя бы формально будут сочувствовать, понимая, что у него горе, а тому, у кого умерла собака, все скажут: «Что ты в самом деле из-за этого трагедию устраиваешь, ну умерла собачка».

У фон Триера все по-другому. Он не хочет сообщать человеку, что он не одинок, а, наоборот, усиливает это одиночество, хотя он мастер великий.

ИЗВЕСТИЯ: Последний рассказ, давший название сборнику, вы написали совсем недавно, в январе. Замысел «Планки» как появился?

ГРИШКОВЕЦ: Очень хорошо помню, как это случилось: мы сидели, смотрели кино с Леной, с женой, я пошел за чаем, и не помню почему мне вспомнилось само состояние детского ужаса перед дракой. Я понял, что очень многим людям знакомо это ощущение, и дальше вся композиция появилась — это же в одну секунду происходит.

Я очень доволен этой книжкой и особенно этим рассказом. Сам понимаю, что вышел на какой-то другой этап работы с текстом. Он композиционно очень сложный, но там удалось то, что мне раньше не давалось, там другой уровень точности.

ИЗВЕСТИЯ: Вы в детстве дрались?

ГРИШКОВЕЦ: Было, да, частенько. По простым детским поводам. Я учился в четырех школах, а вновь приходящий всегда обречен на драку. Я дрался, не спускал, часто бывал бит. Пожаловался однажды отцу, он сказал, что все понимает, но не пойдет разбираться с моими сверстниками. Сказал: «Если будешь драться — отстанут». И действительно, так и получилось.

ИЗВЕСТИЯ: Вы случайно оказались в фильме Говорухина «Не хлебом единым». Режиссер попросил вас, и вы оказали уважаемому

человеку любезность. А как было с Панфиловым в фильме «В круге первом», где вы сыграли Галахова?

ГРИШКОВЕЦ: Там было интересно. Я находился в Норильске на гастролях, и меня повезли на знаменитую Северную Голгофу возле горы Шмидта, где памятники жертвам. В этот момент мне на мобильный телефон позвонили из съемочной группы и предложили участие в фильме «В круге первом». Я говорю: «Вы даже не представляете, где я нахожусь, и, разумеется, я согласен».

ИЗВЕСТИЯ: Для вас что-то значило, что вы будете играть в фильме по роману Солженицына?

ГРИШКОВЕЦ: Солженицын прошел мимо меня. Я его не читал. «В круге первом» прочел ровно к фильму, и то не весь. Когда Солженицын был тем самым, про которого говорили шепотом по кухням, я был юн, мне было не до того. Но то, что было им написано в романе «В круге первом» по поводу Симонова-Галахова, с этим я не был согласен, и с этим не был согласен Глеб Панфилов. Он относится к Симонову иначе, поэтому мы вместе сочинили монолог, которого в романе нет. Поэтому у меня на экране не негодий, не подонок и не подлец, а скорее такой не очень счастливый, довольно усталый человек, может быть, запутавшийся во лжи и компромиссах, но уж точно не негодий.

ИЗВЕСТИЯ: От предложения какого режиссера вы не смогли бы отказаться?

ГРИШКОВЕЦ: Наверное, я не посмел бы отказаться Эльдару Рязанову, хотя то, что он снимает в последнее время, мне не то чтобы не нравится, я стараюсь этого не смотреть. Он снял то самое народное кино, которое я люблю, и все мои родственники любят, и любили те, кого уже нет в живых. А вот Герману-старшему скорее всего отказал бы — по той причине, что у меня нет столько времени, чтобы участвовать в создании чужого произведения искусства. Хотя он такая вот глыба, и его картины я очень люблю. Но у меня свои дела.